

Анастасия Шелест

ЗАКОН
ТРЕСНУВШЕГО
КОРЕШКА

18+

Необъятные книжные миры

Анастасия Шелест

Закон треснувшего корешка

«Издательство АСТ»

2026

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Шелест А.

Закон треснувшего корешка / А. Шелест — «Издательство АСТ»,
2026 — (Необъятные книжные миры)

ISBN 978-5-17-173111-3

Теодора читает иначе. Она не переворачивает страницы — она проходит сквозь них. В реальности Тея чувствует себя невидимой, в книгах — свободной. Её тайна кажется надёжной, пока границы между мирами не начинают трескаться. Неудачное погружение. Кинжал из книги. Нападение в парке. И встреча с Бертом — парнем, который утверждает, что тоже умеет нырять в книги. Он приводит её в Академию книгоходцев, где Тея понимает: прятаться в историях не менее опасно, чем жить в собственной. Теперь ей предстоит выбрать — остаться в мире, где она лишь читатель, или в том, где сама становится героиней.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-173111-3

© Шелест А., 2026
© Издательство АСТ, 2026

Содержание

1	6
2	14
3	28
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Анастасия Шелест

Закон треснувшего корешка

* * *

© Анастасия Шелест, текст
© Милана Корягина, дизайн обложки и иллюстрации
© В оформлении использованы материалы по лицензиям © shutterstock.com
© ООО «Издательство АСТ», 2026

* * *

*Спасибо, что отвел меня туда,
где я мечтала оказаться,
но куда боялась идти*

1

Castle In The Sky

Дышать нечем. Едкий дым проникает в легкие, раздражает глаза и заставляет кашлять. Из-за выступающих слез все размазывается и плывет. Я едва ориентируюсь в пространстве. Хватаюсь за деревянную балку и тут же, шикнув, отдергиваю руку – слишком горячо.

Жар обступает со всех сторон, лишая тело способности двигаться. Ноги словно прирастают к полу. По виску стекает капля пота. Лоб покрывается испариной.

Стук сердца отдается в ушах, сливаясь с бесконечным треском, грохотом и протяжным человеческим криком вдалеке. Я оборачиваюсь и в ужасе округляю глаза – яркие языки пламени облизывают стену за спиной, догоняя меня. Страхивая с себя оцепенение, я продвигаюсь вперед – к окну. Нужно просто добраться до него и прыгнуть. Второй этаж – неприятно, но лучше, чем сгореть заживо или задохнуться. Ноги делают пару шагов, едва удерживая меня в вертикальном положении.

Надежда рушится вместе с оглушительным звоном стекла. Окна трескаются и рассыпаются осколками, огонь рвется вверх, чтобы подпитаться кислородом. Ужас расплзается внутри, вытесняя мысли.

Это была моя единственная надежда. Единственное, что я успела придумать.

Отчаяние сбивает с ног, и я падаю на колени, прижимая руку ко рту и пытаюсь дышать.

Кто бы мог подумать, что можно умереть в «Джейн Эйр»? Я совсем не рассчитывала на такое, когда ныряла в нее. Всего лишь хотела немного развеяться, понаблюдать за героями и прогуляться в прохладной тени Торнфильда.

Очередная попытка вернуться в реальность проваливается, сколько бы я ни жмурилась и не представляла домашнюю гостиную, – слишком много отвлекающих факторов. Ужас и паника – главные из них. Я просто не могу сосредоточиться.

Сколько там осталось до конца книги? Поместье определенно должно догореть, чтобы сюжет двинулся дальше, а значит, рассчитывать на то, что меня сейчас выбросит в реальность, не стоит.

Бездумно развернувшись, я ползком продвигаюсь в неизвестность сквозь дым – куда угодно, лишь бы подальше от жара и треска огня. Уткнувшись лбом во что-то, прикрываю глаза, мысленно выругавшись.

Дверь. Чертова дверь, которую заклинило.

Руки поднимаются с трудом, но я все-таки колочу по дереву, хотя знаю, что меня некому услышать. Самая большая глупость, которую я совершала в книгах, приведет к смерти. Просто потрясающе. Я ведь читала «Джейн Эйр». Зачем осталась в поместье, в котором с минуты на минуту должен был разгореться пожар?

Опора в виде двери исчезает, но я не успеваю это осознать. Кто-то резко выдергивает меня из комнаты, я оказываюсь в коридоре, и сквозь треск огня слышится низкий мужской голос:

– Вы кто?

Едва ли от меня ждут ответа. Я моргаю, пытаюсь избавиться от слез, и с трудом разглядываю очертания фигуры. Высокая, широкоплечая – больше ничего рассмотреть не могу, но и так понимаю, что это мистер Роучестер.

Он тщетно пытается поднять меня на ноги и в конце концов вытаскивает за собой, пока я жадно хватаю ртом воздух – не сказать, что здесь совсем нет дыма, но дышать явно легче, чем в полыхающей комнате.

Стоит в сознании появиться обнадеживающей мысли – я спасена! – как над головой раздается оглушительный треск. Толчок отправляет меня вперед, и я, кубарем скатившись с лестницы, вскакиваю на ноги, оживленная новым приливом адреналина. На место, где мы только что стояли, падает пылающая массивная балка, разбрасывая вокруг искры и огонь.

Никакой мужской фигуры больше нет. Звуков, кроме бесконечного треска, тоже. Я напряженно сглатываю – кажется, по моей милости только что погиб мистер Роучестер.

К черту. Он – всего лишь персонаж. Это все не по-настоящему. А вот мне умирать здесь точно не стоит.

Из последних сил ринувшись вниз по лестнице, я наугад нахожу двери и вываливаюсь на улицу. Стоит свежему воздуху проникнуть в легкие, как силы оставляют меня окончательно. Ноги подкашиваются, и я врезаюсь коленями в землю, покрытую яркой влажной травой, и упираюсь в нее ладонями.

Голову удается повернуть с трудом. Взгляд вонзается в Торнфильд, пылающий посреди темного ночного неба, и я зажмуриваюсь и мотаю подбородком.

Не надо на это смотреть. Не нужно лишних мыслей. Не стоит тянуть время и искушать судьбу, я должна выходить прямо сейчас.

Закрывать глаза и провалиться в обступающий со всех сторон мрак. Короткий вдох и медленный сосредоточенный выдох, чтобы освободить сознание. Не слышать окружающие звуки. Нет больше треска пылающего поместья.

Воссоздав в памяти домашнюю гостиную, я чувствую, как все в голове смазывается, и я проваливаюсь в ускоряющийся водоворот.

Ступни тут же ощущают мягкий ворс ковра. Я оказываюсь на длинном угловом диване из бежевой кожи прямо посреди просторной светлой комнаты. Взгляд упирается в длинный камин, который будто вырастает прямо из пламени, и нависающий над ним белый матовый стеллаж, заставленный мамиными дипломами. Обернувшись, я натужно сглатываю, уставившись в вытянутые во всю стену окна. Половина города видна из них как на ладони. Бесконечные блестящие башни высоток уходят в облака и теряются в небе. Яркое весеннее солнце проникает в гостиную, вдыхая в это слишком идеальное место хоть немного красок.

Пальцы сжимаются, вцепившись в книгу, и подушечки бережно поглаживают твердую обложку с глянцевыми вкраплениями.

Все в порядке. Я дома. Я вернулась, хоть в этот раз моя жизнь висела на волоске. На негнущихся дрожащих ногах добираюсь до ванной, смываю с лица копоть, приглаживаю волосы и переодеваюсь, тут же бросив грязные пропахшие дымом вещи в стирку.

Всегда ли так опасно нырять в книги? Нет, но промашки случаются с каждым, застраховаться от недоразумений не выйдет. Нырну ли я после такого в книгу снова? Определенно да.

Если вы не понимаете, зачем утыкаться носом в страницы новой книги, вдыхая полной грудью, то нам и говорить не о чем. Если от запаха свежей типографской краски и бумаги у вас блаженно не закатываются глаза, то мы не найдем общих тем для разговора.

Первое прикосновение к обложке – твердой, мягкой, лакированной, матовой – как первый взгляд на незнакомца. Сразу появляются догадки и предположения, куча вопросов мигом рождается в голове. Подходим ли мы друг другу? Хорошо ли нам будет вместе? Захочется ли с головой нырнуть в эту историю? Но ответов пока нет.

Пальцы бережно скользят по корешку, отмечая каждую деталь. Добираются до самого края. Ногти касаются подvertки, и только после этого появляется форзац. Каким он будет? Просто белая бумага? Цветная? Может, карта или замысловатый узор? Или даже рисунок?

Титульный лист тоже заслуживает отдельного внимания, но бороться с нестерпимым любопытством все труднее, и с каждой секундой задача будет только усложняться. Чем ближе к тексту, тем быстрее листаешь, с трудом сдерживаясь.

Тихий треск корешка. Нежный шелест страниц. Шершавая бумага под подушечками пальцев. Белая, гладкая, совсем новая или коричневатая – тронутая временем и потрепанная.

Нет ничего лучше этих ощущений. В такие моменты все возможные миры сходятся в одной точке, и только мне решать, что настоящее, а что – выдумка.

Вернувшись в гостиную, я опускаюсь на диван и подхватываю томик «Джейр Эйр», бездумно поглаживая обрез. Тетя Диана наверняка отчитала бы меня за непредусмотрительность и очевидную глупость, но мы так редко видимся, что едва ли она вообще узнает об этом недо-разумении.

Я нехотя раскрываю книгу, бегло пролистывая страницы. После пары первых глав, сохранившихся в первозданном виде, я начинаю верить, что мое присутствие ничего не изменило, но взгляд быстро цепляется за помятые листы с кривыми исправлениями. Местами текст исчезает, буквы громоздятся друг на друге, кучкуясь и сливаясь.

Проклятье какое-то. Мне еще ни разу не удалось нырнуть в книгу так, чтобы это не повлекло никаких изменений. Неужели сюжет – такая хрупкая и продуманная вещь?

Скептически пробежавшись взглядом по тексту, переворачиваю страницу. Вина вспыхивает в сознании мгновенно, стоит только буквам собраться в слова, а словам – в предложения.

Мистер Рочестер вытолкнул меня из горячей комнаты, а сам остался под завалами пылающего Торнфильда. Я знатно подпортила концовку.

Остается утешать себя мыслями о том, что в мире существуют миллионы правильных экземпляров «Джейн Эйр». Я испортила только свой.

Шумно захлопнув книгу, поднимаюсь с дивана. Нужно унести измененный роман в мою комнату и хорошенько спрятать. Вряд ли мама или брат решат полистать мои книги – они не очень тянутся к литературе, – но лучше не давать лишних поводов для вопросов. Хотя что-то мне подсказывает, что брат даже не знает правильную концовку.

Не успеваю я сделать и пары шагов в сторону спальни, как из коридора разносится шум и шорох пакетов. Торопливый цокот каблучков неумолимо приближается. Глупо бежать и пытаться спрятаться в моей спальне.

Рука взлетает к шее, я сдерживаю тонкую цепочку и раздраженно сжимаю карманные часы, скользнув взглядом по серебряной крышечке с мудреными узорами и вкраплениями пурпурных камней по краям. Резная часовая стрелка показывает ровно шесть.

Тетка не для того мне их подарила, чтобы я вот так пропустила мамино возвращение. Уж не знаю, где Диана их раздобыла, но, в какую бы книгу я ни отправилась, часы всегда показывают время реального мира. Очень кстати, учитывая, что течение времени в разных историях не поддается никакой логике.

Несомненно, это очень ценный и полезный подарок, если не пренебрегать им и пользоваться по назначению, а не терять счет времени.

Мне удастся сдернуть часы с шеи и засунуть их в карман юбки до того, как мама появляется в арочном проеме. Она торопливо касается пальцами тщательно уложенных каштановых волос и поправляет белоснежный воротник блузки под строгим пиджаком, а потом щурится. Взгляд ореховых глаз прибавляет меня к месту.

– Теодора? – Ни одна черта на ее лице не выдает удивление. Только губы, густо накрашенные светло-бежевой помадой, сжимаются. – Что ты делаешь дома в такое время?

Мне уже даже не хочется обиженно закатывать глаза. Сколько бы раз я ни повторяла одно и то же, мама все равно забудет. В ее цепкой памяти нет места для информации обо мне.

– У меня выходной, – повторяю я в очередной раз, пожав плечами и аккуратно заводя руку за спину в попытке спрятать книгу. Во мне вспыхивает желание швырнуть роман на диван и надеяться, что он затеряется среди подушек, но я решаю не рисковать.

Не нужно быть гением, чтобы предсказать мамины слова. Тем более мы заводим этот разговор в четвертый раз со вчерашнего утра. Мама продолжает атаковать меня уже привычными вопросами:

– В честь чего? Какой-то особый праздник? День открытия первой библиотеки? Или наоборот – день, когда в библиотеку зашел последний посетитель?

Если шутка, повторенная дважды, становится глупостью, то что с ней происходит на четвертый раз? А если шутка изначально не была смешной?

Подавив тяжелый вздох, я поджимаю губы и отрывисто отвечаю:

– Никаких праздников. Просто расписание такое.

Мама фыркает так презрительно, что хочется раскрыть книгу и спрятаться в ней прямо сейчас. Поток упреков и едких замечаний обрушивается на меня незамедлительно:

– Разумеется. Какая специальность, такое и расписание. Вот на юрфаке такого просто не может быть. Ты не подумала над моим предложением, Теодора? Еще не поздно перевестись – она вздыхает и натягивает неестественно заботливую улыбку. – Достаточно. Не нужно мне ничего доказывать, это бессмысленно. Раз ты не поступила, куда хотела, можно и прислушаться к матери, а не выбирать специальность назло. Я же тебе не враг. Я не пытаюсь навредить.

От ее подчеркнутой теплоты скулы сводит. Каждое слово – издевка. Я прекрасно знаю, что не поступила, куда хотела, из-за маминой знакомой в приемной комиссии.

Хочется выплеснуть все свои обиды и возмущения прямо в мамино лицо, больше походящее на идеальную равнодушную маску, но я только стискиваю зубы и процеживаю:

– Спасибо за щедрое предложение, но я вынуждена отказаться.

Дружелюбие моментально исчезает с маминого лица, словно язычок пламени слизнул. Не остается ни намек на родительскую теплоту и заботу. Брезгливо поморщившись, мама делает пару шагов вперед и проходит в комнату:

– И чем ты занималась весь день? – Ореховый взгляд замирает, все-таки наткнувшись на книгу в моих руках. – Опять просидела за этой ерундой?

О, если бы она только знала, что я прогуливалась по прохладной тени леса возле Торнфильда, заглядывала в высокие окна поместья и даже смешалась с толпой гостей, чтобы поболтать с мистером Рочестером и Джейн Эйр, а потом пряталась в мрачных темных коридорах, наблюдая за персонажами. А потом чуть не сгорела в пожаре. Но таких новостей мама бы точно не вынесла.

От этой мысли уголки губ приподнимаются, но привычная хлесткая фраза звучной пощечиной возвращает меня в реальность:

– Вся в отца. Совсем не думаешь о других. Только развлекаешься и витаешь в облаках. Ничего, жизнь быстро расставит все по своим местам.

Молчи. Молчи, Теодора. Нельзя реагировать каждый раз на одну и ту же провокацию.

Можно. Особенно когда каждый звук вливается в сознание, распускает там свои щупальца и жалит где-то между извилин.

– Я не виновата, что он тебя бросил, мам. – Насмешка просачивается в мою фразу, несмотря на уговоры внутреннего голоса.

Ледяная снисходительность и показной контроль над ситуацией исчезают. Злость сверкает в ореховых радужках. Мама бледнеет и цедит каждое слово:

– Нас. Он бросил нас, Теодора. Тебя тоже.

– Сложно злиться на человека, которого никогда не видел.

А вот злиться на мать, решившую, что ты не достоин ее любви и внимания черт знает по каким причинам, вполне себе легко. Только поддерживать в себе непотухающую злость столько лет невозможно. Рано или поздно она перестает полыхать, гноящиеся раны затягиваются корочками, и все это прячется за глухим фасадом обиды и неискоренимой тоски.

И без того резкие черты маминого лица заостряются, и она напоминает хищную птицу, приготовившуюся к нападению, – но ничего не происходит. Контроль над эмоциями всегда давался ей легко. Мама вздыхает, негодуя качнув головой, и коротко бросает:

– Встреть брата у школы. Сделай хоть что-то полезное.

Готовность броситься в свою спальню, рухнуть на кровать и уткнуться лицом в подушки, давясь злыми слезами, пугает. Мотнув головой, я заставляю себя остаться на месте:

– Зачем? Он уже взрослый и сам в состоянии найти твоего водителя и сесть в машину.

Это просто унижительно – возиться с подростком, который всеми силами пытается открититься от твоей компании.

Мама, подобрав ворох пакетов с продуктами, замирает возле арки, ведущей на кухню:

– Тебе сложно? Забота о брате – твоя единственная обязанность в этой семье, Теодора. Будь добра, исполняй хотя бы ее.

Спорить бессмысленно, как и надеяться на возвращение здравого смысла. Поэтому я молча пересекаю гостиную, на ходу хватаю в коридоре пальто и вылетаю в подъезд. Палец требовательно барабанит по кнопке вызова лифта, и я не могу остановить это нервное движение.

Мама не всегда была такой. Где-то на задворках сознания тлеют воспоминания о доброй и любящей женщине, которая внимательно и заботливо относилась к обоим детям. До моих шести лет.

Сколько бы я ни пыталась прорваться к воспоминаниям о дне, когда все изменилось, ничего не выходит. Все, что удастся нашарить в сознании, – в тот день я впервые увидела тетю Диану. В тот день я вообще впервые услышала о том, что у меня есть тетя.

* * *

Когда я добралась до школы, уроки уже закончились. Я не сомневалась, что опоздаю, но не смогла отказать себе в удовольствии проехаться на трамвае. После очередной ссоры хотелось поговорить хоть с кем-то, но понять меня смогла бы разве что тетя Диана. Но она сейчас в командировке, наверняка гоняется за каким-то очередным редким предметом искусства, а телефоном не пользуется принципиально.

Серое величественное здание с нарядным фасадом, фигурными завитками под крышей и массивными карнизами кажется чужаком среди стеклянных высоток, бизнес-центров и модных ресторанчиков. Гимназия – словно крошечный портал в прошлое. Совсем не вписывается в блестящую отполированную обстановку, но сносить старинные учебные заведения пока никому не удастся благодаря неравнодушным активистам.

Миновав высокий кованный забор, я автоматически сворачиваю, шагая по змеящейся дорожке и разглядывая аккуратные клумбы тюльпанов, кусты сирени и только начинающие зеленеть клены. Настоящий парк.

Интуиция не подводит. Остановившись возле футбольного поля, я легко нахожу брата среди играющих. Худощавая вытянутая фигура притягивает взгляд. Обычно старательно уло-

женные каштановые волосы сейчас растрепаны от быстрого бега, галстук с эмблемой школы болтается на шее, рукава белоснежной рубашки закатаны, и ее края небрежно торчат поверх брюк. Начищенные ботинки сминают неестественно зеленую искусственную траву. Боюсь представить, где его пиджак и пальто.

Мне бы за такое наверняка влетело, а брату хоть бы что.

Не позволяя гнетущей обиде разлиться в груди, складываю ладони рупором и зову:

– Лео!

Он даже не оборачивается. Как ни в чем не бывало продолжает носиться по полю, перехватив мяч, хотя я уверена – он прекрасно меня слышал.

Сам виноват. Я не настроена мириться с тем, что брат меня игнорирует. В следующий раз подумает лучше.

– Лео! Мама дома ждет. Пойдем, а то она не успеет почитать тебе сказки перед сном.

В толпе раздаются редкие смешки, но я знаю, что мои слова вряд ли могли нанести существенный урон его репутации.

Лео резко оборачивается, гневно сверкнув золотистыми глазами, и вскидывает руку, выставив средний палец. Я не успеваю ответить тем же – он возвращается к игре, словно меня и нет здесь вовсе.

Вот же мелкий засранец.

Раздраженно запахнув края пальто, я опускаюсь на лавочку и вытаскиваю новую книгу. Слова с трудом собираются в предложения, и смысл прочитанного безжалостно ускользает. Приходится слепо пялиться на страницу, раз за разом перечитывая одно и то же.

Будто мне больше заняться нечем. Только сидеть и ждать, когда любимому братику надоест испытывать мое терпение.

Радостный гомон заставляет меня отвлечься от чтения, и я захлопываю книгу. Вокруг Лео толпятся друзья, галдя и хлопая его по плечу. Веселые выкрики сливаются, не позволяя различить слова.

Здорово, наверное, быть душой компании. Хотя и утомительно. Впрочем, откуда мне знать?

Веснушчатое лицо Лео появляется в поле зрения. Он улыбается, хлопая по ладоням одноклассников, но неприязненно морщится, когда приближается ко мне. С ним подходят трое друзей, один из которых, высоколобый и скуластый Матиас, обрушивается на лавочку рядом и, вальяжно закинув голень на колено, опускает ладонь на спинку скамьи за моим плечом:

– Тея, давненько тебя не было. Сходим куда-нибудь? Поужинаем вместе? Может, позавтракаем? – Он игриво приподнимает брови, все-таки касаясь пальцами моего плеча.

Друзья свистят и улюлюкают, посмеиваясь, а Лео отворачивается, на прощание махнув рукой.

Павлины. Распушили свои хвосты и считают, что им все можно.

Скинув ладонь Матиаса с плеча, я поднимаюсь, бросая ему:

– А ты уроки сделать успеешь? Не прощу себе твое отчисление.

Больше всего во всей этой назойливо повторяющейся истории меня раздражает снисходительная ухмылка Лео. Какому брату понравится такое обращение с родной сестрой?

Я уже почти догоняю Лео, когда слышу вслед смешок Матиаса:

– Покажу тебе все конспекты и сочинения. Ради такого и позаниматься можно.

Мелкие избалованные придурки. Это уже даже не забавно. Нелепо.

Решив не растрачивать попусту слова, вскидываю средний палец, пропуская мимо ушей новый шквал раздражающего свиста, и наконец-то равняюсь с братом. Лео спокойно идет вперед, засунув руки в карманы брюк, и края строгого пальто колышутся от ветра. Только когда мы сворачиваем за угол безликой хозяйственной постройки, огороженной низким заборчиком, он насмешливо фыркает:

– Зря ты так. Могла бы и сходить с ним куда-нибудь. Хоть немного бы высунула нос из своей конуры и пообщалась с людьми. – Лео не смотрит на меня, щурясь от яркого закатного солнца.

Пообщаться с людьми? Да к черту такое общение.

Возмущение закручивается вихрем, выталкивая из меня резкие необдуманные слова:

– Он просто мелкий самовлюбленный засранец. Спасибо, как-нибудь обойдусь. Мне достаточно одного избалованного придурка.

Лео усмехается – мой выпад его нисколько не задевает.

– Не в твоём положении воротить нос и привередничать. Сверстники на тебя даже не посмотрят.

Это еще что значит? Опешив от наглого заявления любимого брата, я забываю все заготовленные язвительные ответы и жалко уточняю:

– Что? Тебе-то откуда знать?

Лео тяжело вздыхает и все-таки поворачивается ко мне, хотя шаг не сбавляет. Последние солнечные лучики путаются в спадающих на лоб выющихся прядях. Кривая улыбка растягивает бледные губы, и Лео пожимает плечами:

– Очевидно. Ты скучная, нелюдимая и никому не нравишься. Сразу понятно, что ты двинутая.

Безжалостный холод сверкает в светлых глазах. Лео спокойно минует черный забор, а мне приходится стиснуть кулаки, чтобы не отвесить брату злую оплеуху. Ну уж нет, я не стану опускаться до рукоприкладства.

Стоило бы привыкнуть к таким заявлениям, но каждое оскорбление брата отпечатывается в подкорке и рождает бесконечные сомнения. Может, он и прав. Может, ему со стороны виднее. Может, он вовсе и не обидеть меня хочет, а помочь.

Где-то внутри, в самых потаенных уголках сознания, все еще живет образ жизнерадостного, вечно смеющегося младшего братика, который тянет ко мне руки и не понимает, почему мама уводит его в другую комнату. Что стало с тем милым мальчиком? Я понятия не имею, но знаю точно, что он не мог превратиться в гаденыша, которого я до сих пор называю братом.

– Да пошел ты. – Я морщусь, отогнав навязчивое желание толкнуть Лео в плечо.

Лео безошибочно находит машину на парковке и, насмешливо фыркнув, не удосуживается ответить. Он быстро проскальзывает на заднее сиденье и захлопывает дверь передо мной.

Не удивлюсь, если машина сейчас тронется, и мне придется добираться до дома на общественном транспорте. Вполне в духе брата.

Вообще-то я собиралась сесть спереди, но от желания позлить Лео ладони чешутся – он четко дал понять, что не хочет сидеть рядом. Глупая мстительность толкает меня обойти машину и сесть с другой стороны.

– Добрый вечер, Теодора. – Мамин водитель, лысеющий круглолицый мужчина в возрасте, улыбается в зеркало заднего вида. – Домой?

Лео кивает быстрее, чем я успеваю ответить, и машина трогается, погруженная в мрачную враждебную тишину. За окнами тянется широкая асфальтированная дорога, огражденная высокими новостройками, торговыми центрами и аккуратными рядами деревьев. То тут, то там загораются фонари и яркие вывески, превращая город в скопление мигающих огней.

Выждав пару минут, я достаю из сумки книгу. Не хочется впустую тратить время, да и от бездумного рассматривания дороги пользы нет. Будь рядом мама, она бы возмущалась, что я порчу себе зрение. К счастью, ее здесь нет.

– Тебе нужно до завтра написать мне сочинение по чеховской «Чайке».

Лео отрывается от экрана телефона и сверлит меня довольным ехидным взглядом. Специально дождался, когда я открою книгу. Знает, что ненавижу, когда меня отвлекают.

– Ты так никогда не сможешь и пару слов связать, если я все буду делать за тебя. Обойдешься.

Телефон Лео вибрирует. Он отвечает на сообщение и только после этого произносит спокойным и безразличным тоном:

– Зачем ты вечно сопротивляешься? Все равно ведь напишешь.

Действительно, чего это я? Какая сестра откажет в просьбе младшему братику? А, точно. Этот змееныш ни о чем не просит. Раздает приказы, словно я его личная прислуга.

– Не буду я ничего писать. Сделай сам для разнообразия. – Я закатываю глаза и тяжело вздыхаю.

Лео лениво пожимает плечами и сводит брови:

– Как хочешь. Придется маме пожаловаться.

С самого начала было ясно, что к этому все и идет, но я каждый раз пытаюсь сопротивляться, словно есть надежда, что обыденный сценарий изменится. Очень наивно с моей стороны.

Спокойствие и сдержанность дают трещину. Не так я собиралась провести вечер. У меня и свои дела есть. Учеба, в конце концов.

Не справившись с гнусным порывом, я швыряю в брата книгу, возмущенно вскрикивая:

– На что? Я тебе ничего не сделала.

Лео отбивает книгу, задумчиво вытягивает губы и спустя целую вечность молчания говорит:

– Но мама-то об этом не знает.

Он бросает на меня победный взгляд и снова утыкается в экран телефона, теряя интерес к диалогу. Безоговорочная победа в маленькой словесной перепалке снова достается брату.

Чему тут удивляться? Лео точно знает, что выбора у меня нет, и завтра утром он положит в школьный портфель объемное сочинение, которое в очередной раз заставит учителя восторгаться.

Я скорее всю ночь просижу за перечитыванием уже забытой книги, чем выдержу очередную лекцию матери. Удивительно, сколько разных формулировок она может найти, чтобы в тысячный раз напомнить, что я должна заботиться о брате и помогать ему.

Лучше бы она меня наказывала.

Из зеркала заднего вида на меня опускается сочувствующий взгляд водителя, но слов утешения ждать не стоит.

Я медленно выдыхаю, задушив внутри справедливое негодование. Ночка предстоит долгая, но у меня еще есть немного времени до возвращения домой. Не стоит тратить его попусту.

Выхватив книгу, я открываю ее и возвращаюсь к месту, на котором остановилась. Даже простое чтение без погружения всегда отлично отвлекает.

2

The breach

Картонный стаканчик с кофе опускается на потертый деревянный подоконник прямо передо мной и вырывает из ленивой полудремы. Статистика первой парой – совсем не то, что нужно после ночи в обнимку с анализом Чехова.

Можно было бы, конечно, нырнуть в какую-нибудь нудную книгу и поспать там, но я так не рискую – если кто-нибудь из моей безумной семейки ворвется ко мне в комнату и обнаружит, что я пропала, проблем потом не оберешься.

– Бурная ночка? Рассказывай во всех подробностях и не вздумай хоть что-то утаить. – Радостный звонкий голос раздается прямо над ухом. Приходится попрощаться с надеждой на десятиминутный сон в перерыве.

Ева улыбается так широко, что я начинаю сомневаться в ее нормальности – кто вообще радуется по утрам? Она запрыгивает на подоконник, забрасывая ногу на ногу, и поправляет короткую юбочку из струящейся ткани с цветочным узором. Длинные тонкие пальчики накручивают пряди прямых каштановых волос.

Я понятия не имею, как мы с Евой подружились. Ей наверняка больше пришлось бы по душе шумная компания наших одноклассников, поступивших сюда за неимением альтернативы, но Ева в ответ на подобные рассуждения только смеется и шутливо обзывает меня душой. Она просто появилась возле меня на первой учебной неделе и так и осталась рядом, постоянно болтая обо всем подряд – о своем строгом, но любящем отчине, книгах, красивых машинах, популярных местах в городе и симпатичных парнях. Иногда ее щебетание сводит с ума, но порой спасает от тоскливых размышлений.

Я безмерно благодарна Еве за кофе и жадно глотаю горький напиток, но, боюсь, не смогу оправдать ее ожидания услышать горячую интимную историю.

– Не знаю насчет бурной, но бессонная однозначно.

Розовые губы Евы растягиваются в понимающей улыбке, и она заговорщицки наклоняется, приподнимая брови. Глаза у нее такие голубые, что кажется, будто я проваливаюсь в ясное утреннее небо.

– Ну? И кто виновник? – Она сдергивает лямку сумки с моего плеча и кидает ее на подоконник, избавляя меня от ноши.

Не могу удержаться. Наклоняюсь навстречу и в тон ей выдыхаю:

– Не поверишь. Мой брат.

Ее выражение лица под стать всем тем гадостям, о которых она успела подумать. Она брезгливо морщится и, стукнув меня по плечу, отшатывается:

– Фу, Тея! С ума сошла? Сколько ему? Пятнадцать? Зачем возиться с малышами? Да и вообще, вы же друг друга не переносите.

Это все, что ее смущает? Хотя с Евы станется, но об этом я предпочитаю не уточнять.

Взболтнув кофе, залпом допиваю его и устало прислоняюсь спиной к углу оконного проема:

– Ему шестнадцать. Самый подходящий возраст, чтобы шантажировать старшую сестру и заставлять ее писать за тебя сочинения.

Ева тяжело вздыхает и сочувственно улыбается, покачивая головой:

– Скопируй какую-нибудь ерунду из интернета. Один раз опозорится и начнет делать все сам.

Идея заманчивая, но сразу видно, что у Евы нет злобного брата-тирана. Если бы все было так просто, я бы давно поставила Лео на место.

– Или он просто расскажет матери очередную выдуманную историю. По сравнению с ее нотациями и упреками, одна бессонная ночь – ничто.

Подавив зевок, я потираю глаза. Дверь лекционного зала открывается, запуская внутрь поток шумных студентов. Точно ли мне так необходимо идти на философию? Мысль о прогулке манит, утягивая в мечты о заслуженном отдыхе.

– Давай я с ним поговорю. Нам давно пора познакомиться. – Ева пожимает плечами и склоняет голову набок, напоминая сову. – Ты же знаешь, я могу быть очень убедительной.

Этого еще не хватало. Лео не упустит такой чудесный повод для издевок и при любом удобном случае будет напоминать, что мне понадобилась защита однокурсницы. Моя репутация в его глазах и так хуже некуда. А это совсем ее уничтожит.

Хмыкнув, я качаю головой и выдавливаю из себя улыбку:

– Собираешься флиртовать с моим шестнадцатилетним братом, чтобы он оставил меня в покое? Не думаю, что он стоит таких жертв.

– Нет. Просто скажу, что застрелю его во сне, если не отстанет, – глазом не моргнув заявляет Ева.

Я скидываю голову, надеясь отыскать на ее лице улыбку, хитрый прищур или игривые искорки в глазах, но не нахожу никаких признаков шутивого настроения. Она смотрит на меня, обеспокоенно хмуря брови, и молчит.

В воздухе повисает тишина. Ева вопросительно наклоняет голову, словно всерьез предлагает пристрелить брата.

Она хорошо вжилась в роль. Ей нужно было поступать на театральное.

Невыспавшееся и уставшее сознание защищается как может. Из меня вырывается неуверенный сухой смешок, а уже через секунду становится действительно забавно. Как я вообще могла подумать, что она всерьез? Мне определенно нужно поспать.

Не сразу, но Ева присоединяется к моему веселью, заливаясь звонким хохотом. Я вытираю выступившие от смеха слезы в уголках глаз и хватаю сумку, забрасывая ляжку на плечо.

– Я не пойду на философию. Постараюсь вернуться к библиотековедению, но ничего не обещаю. Хочу прогуляться.

Вот и все. Никаких сложных принятий решений. Я просто лягнула первое, что пришло в голову, чтобы сменить тему.

Ева непринужденно пожимает плечами и спрыгивает с подоконника:

– Пойдем вместе. Философия точно не для меня.

Я выдавливаю вежливую улыбку. Не то чтобы я возражала против компании Евы, но она не вписывается в мой план. Ничто не бодрит больше, чем дикий азарт сражений и адреналин. Где еще его взять, если не в хорошей книге? Я как раз прихватила с собой такую.

– Я хотела дойти до ближайшего парка и почитать. Проветриться и проснуться уже наконец. – Я виновато закусываю губу, стараясь не смотреть на Еву.

Я уже готова столкнуться со спорами, обидами и недовольством, но Ева миролюбиво улыбается и обнимает меня за плечи, увлекая к лестнице:

– Помню-помню, отвлекать тебя от чтения может быть опасно для жизни. Провожу хоть немного. Маленькое опоздание на философию хотя бы на десять минут спасет меня от скуки.

Возле гардероба толпятся студенты, мы с трудом пробираемся через них, забираем верхнюю одежду и выскальзываем из душного холла.

Улица встречает приятным бодрящим ветерком и ярким весенним солнцем. Я шурюсь и прикладываю ладонь ребром ко лбу. Волосы разлетаются по плечам, и пальто норовит распахнуться, но я не тороплюсь застегиваться. Запах набухающих почек витает в воздухе, и я вдыхаю его полной грудью.

Завернув за угол потрепанного временем здания университета, Ева останавливается возле одинокой сосны и упирается в шершавый ствол лопатками. Она вытаскивает из сумки пачку сигарет и, щелкнув зажигалкой, закуривает.

– Буду надеяться и верить, что ты вернешься, – говорит она. – Высидеть две пары без тебя – настоящая пытка.

– Постараюсь. – Усмехнувшись, я машу Еве на прощание, хотя сомневаюсь, что смогу выполнить обещание. Возвращаться совсем не хочется.

Ядвигаюсь к покосившемуся ржавому заборчику, окружавшему университет, и ощущаю холодные мурашки на шее – словно в спину впирается чей-то пристальный взгляд. Точно фантазия разыгралась от недосыпа. Но у самой калитки я все-таки не выдерживаю и оборачиваюсь.

Вокруг никого. Даже Ева не смотрит в мою сторону. Она опустила голову и что-то быстро печатает в телефоне. Наверняка пишет старосте, что придет на лекцию, но задерживается.

Через два квартала неприглядные серые пятиэтажки сменяются приветливыми уютными вывесками кафе и магазинчиков. Мне всегда нравился этот контраст. Какая-то пара десятков шагов, и словно попадаешь в другой мир. Напротив красивого здания всеми забытой районной библиотеки раскинулся парк, и я решительно направляюсь туда.

Начинающие зеленеть березы и клены окружают кованые скамейки и киоски с кофе и уличной едой, а в небольшом пруде в центре блестят яркие солнечные лучи. Сейчас здесь не особо оживленно – время не располагает к прогулкам. Утром в будний день можно встретить только парочку мамочек с колясками да бабулю с пушистым облачком волос на голове, выгуливающую ленивую таксу.

Я подавляю в себе искушение устроиться читать прямо посреди парка. Все-таки кто-то может заметить меня, а я усвоила, что люди не приходят в восторг, когда другие внезапно исчезают или появляются из ниоткуда.

Пригнувшись, я пробираюсь под цепкими ветками и с трудом нахожу заброшенную тропинку. Она выводит меня к одинокой покосившейся лавочке. Вокруг разбросаны пластиковые бутылки и пакеты – место не самое уютное, зато укромное. Мы с Евой прогуляли здесь достаточно пар, чтобы убедиться – в такое время никто сюда не сунется.

Брезгливо отпихнув носком ботинка пару бутылок, я опускаюсь на лавку. Прохладный полумрак скрывает от солнца и успокаивает. Отличное место, чтобы отвлечься, взбодриться и осуществить мой замысел.

Долго готовиться или размышлять нет смысла. Я вытаскиваю из сумки книгу, открываю ее на первых страницах и перебрасываю через шею цепочку часов. Я даже не знаю, о чем эта

история. Вообще не знаю о ней ничего, кроме того, что это фэнтези, полное ярких динамичных событий.

Обычно я не поступаю так неосмотрительно и не ныряю в книгу, даже не представляя, что меня там ждет, но сегодня это именно то, что нужно. Разберусь на месте. Персонажи же как-то разбираются.

Строчки плывут перед глазами, сознание путается. Под тяжелыми веками мелькают незнакомые картинки, и меня утягивает в водоворот ярких красок. Тело словно сжимается, протискиваясь в крошечную створку, а потом под ногами появляется твердая поверхность. Все прекращается. Тошнота, едва появившись, отступает.

Прежде чем я успеваю открыть глаза, до ушей долетают звуки битвы – треск, крики, лязг. Отлично. На это я и рассчитывала.

* * *

Утро ласково погладило Берта по волосам, покачивая на расслабляющих волнах безделья. Уроки в Академии отменили. Полноценный выходной без заданий и занятий с младшими – вот, что нужно для счастья.

Воодушевленный приятным началом дня, Берт собрался с духом и решил пригласить Лору на завтрак, чтобы не давиться кашей в столовой. И тут он получил первую отрезвляющую пощечину.

Лора, воздушная и сияющая, выплыла из своей спальни, но Берт мгновенно растерял все желание приглашать ее куда-то. Она смеялась очередной плоской шутке высокого русоволового парня, а тот положил ладонь на ее талию, увлекая за собой.

Первый порыв хорошенько врезать Марку – тому самому парню рядом с Лорой – угас быстро. Не дикарь же он какой-нибудь, в конце концов. Если Лора считала, что ей так лучше, то ее выбор нужно уважать. Даже если любому идиоту очевидно, что она достойна лучшего.

Берт не поздоровался с ними, надеясь, что поток учеников надежно спрятал его от нежеланного столкновения. Завтракать больше не хотелось ни в столовой, ни в самом уютном кафе. Берт сник и помрачнел, хотя это утреннее разочарование было далеко не первым в их с Лорой общении. Да и не последним, что куда важнее.

Долго утопать в проблемах Берт не умел и не любил. Неприятности оставались лишь фоном для текущего момента и не могли утянуть во мрак. Он решил прогуляться. Долгое бесцельное блуждание по улицам наедине с грохочущей в наушниках музыкой – идеально, чтобы скрыться от неласковой реальности.

Обычно маршруты складывались спонтанно, но сегодня Берт целенаправленно двигался к парку, где детьми они с Лорой и Эриком проводили время вместе, не успев еще накопить груз недомолвок и мелочных обид. Берту всегда нравилась эта часть города. Не сверкающая сотнями неоновых вывесок и блестящих новостроек, не душащая помпезностью и величием старых районов, не смущающая неприглядностью разрухи – она казалась уютной и дружелюбной.

По гладкой и блестящей поверхности пруда размеренно плавала стайка уток, синхронно опуская головы и отряхивая перья. Берт вспомнил, как раньше они втроем бросали им хлеб, несмотря на запрещающую табличку. Отец смеялся, сидя на лавке неподалеку, и лицо его еще не огрубело, а в голосе слышалось еще что-то, кроме требовательной строгости.

Берт неспешно двинулся вдоль пруда, прижимаясь к деревьям. Где-то здесь должна была остаться тропка, ведущая к одинокой лавочке. Они с друзьями часто бывали там в детстве, и он помнил, как хорошо было прятаться от летнего зноя и беспощадного солнца в этом месте – густые кроны скрывали не только от жары, но и от посторонних глаз, что было только на руку шkodливым детям.

Тропку удалось найти интуитивно, но сейчас зеленый навес не прятал лавочку – сквозь голые ветви проглядывали ломаные очертания трухлявых стволов и груды мусора.

В груди тоскливо кольнуло, и Берт стиснул кулаки от возмущения. Как можно мусорить в месте его счастливых воспоминаний? Неужели нельзя сделать пару лишних шагов и добраться до урны – они расставлены через каждую пару метров?

Мелькнувшие сомнения надолго не задержались – других занятий все равно не было, – и Берт шагнул на тропку, но замер, краем глаза заметив что-то на лавочке. Не похоже на мусор. Книга.

Явно новая, еще даже не раскрытая. Она не пролежала на улице и суток – ночью шел дождь, но страницы не размокли. Кто станет бросать в парке новенькую книгу? Зачем оставлять ее на дальней лавке, где и подобрать никто не сможет?

От любопытства зачесались ладони, и Берт, подчиняясь захлестнувшему его интересу, попятился назад и ломанулся в лес, игнорируя тропинку. Спрятаться среди голых стволов – непростая задача, но ему удалось занять идеальную наблюдательную позицию.

Берт опустил на корточки, прислоняясь к шершавому стволу дерева с потрескавшейся корой, и принялся ждать.

Глупо. Книга может вообще ничего не значить. Может пройти целая вечность, прежде чем что-то произойдет.

Заняться все равно было нечем, а окрепшая с годами интуиция велела оставаться на месте. Берт сдался и прислушался.

Долго ждать не пришлось.

Берт удовлетворенно хмыкнул, когда на лавочке появилась женская фигура – интуиция не подвела, – и только потом присмотрелся. Медные волосы растрепались, пряча в спутанных прядях мелкие веточки и сухую листву. На круглых, залитых лихорадочным румянцем щеках темнели грязные разводы. Над широкой левой бровью тянулся глубокий порез, и из него капала кровь, пачкая воротник белой рубашки.

Девушка отдернула края длинного клетчатого пальто и поправила короткую складчатую юбку. В руке что-то блеснуло. Пальцы нервно поглаживали страницы стиснутой книги.

Музы милостивые, она что, идиотка? Правила Академии для всех одинаковые. Нельзя нырять в книгу в общественных местах. Да к черту правила, это просто небезопасно.

Берт попытался вспомнить, не видел ли он такую ученицу раньше, но не отыскал в памяти ни одного подходящего образа. Ладно. Знать в лицо всех учеников просто невозможно. Может, она была из младших. Пытаться угадать возраст не имело смысла, все сейчас выглядели то слишком взросло, то слишком молодо. Берт знал многих младших, но далеко не всех. Она точно не из его учеников, в остальном уверенности не было.

Кем бы она ни была, она нарушила целую кучу правил. Берт, конечно, не сдаст ее Совету, но замечание сделать обязан. Если она не хочет думать о других, пусть хоть о себе побеспокоится.

Девушка резко распрямилась и нервно поправила сползшие вязаные гольфы. Воровато оглянувшись, она брезгливо отшвырнула книгу, отряхивая руки.

Дура. Нельзя бросать использованные книги где попало. А если ее кто-то найдет? Вот такие безответственные недоучки и сводят к нулю все усилия отдела секретности.

Берт поморщился и уже сделал шаг в сторону злостной нарушительницы, но добраться до нее не успел.

Двое мужчин выросли перед девушкой, бесшумно проскользнув от тропы к лавке. На них были одинаковые черные костюмы, плотно завязанные галстуки обхватывали жилистые шеи. Из ничем не примечательного образа офисных работников выбивались только длинные волосы, стянутые темными лентами на затылке.

Мужчины остановились по обе стороны от девушки, бестактно вторгаясь в личное пространство, и что-то сказали. Напряженные руки сложены перед собой, взгляды пустые. Девушка настороженно скосила глаза в сторону и попыталась отступить назад, но увеличить расстояние не удалось – мужчины шагнули на нее.

Берт напряженно сглотнул, спешно перебирая в голове варианты. Что делать? Отвлечь их на себя? Подобраться к девушке и притвориться ее давним знакомым? Бить первым, раз уж драка неизбежна? А она точно неизбежна?

Пустое выражение лиц и безумный преданный блеск в глазах Берт ни с чем бы не спутал. Какой бы дурной ни была девчонка, она совсем не походила на безумную фанатичку из Организации, а вот появившиеся мужчины идеально вписывались в образ. Девушка явно была книгоходом, а бросать своих в сложной ситуации просто бесчестно.

Пригнувшись, Берт бесшумно двинулся вперед и стал подбираться ближе. Придется помочь. Сначала он вытащит девчонку из опасности, а уже потом отчитает за неразумное поведение.

* * *

Ни одному человеку в здравом уме, обладающему инстинктом самосохранения хотя бы в зачатке, не понравится, если возле него внезапно появятся двое здоровых мужчин, бесцеремонно нарушающих личные границы. Безусловного доверия к людям во мне точно нет, да еще и путешествие в книгу не удалось – я едва смогла смыться с жуткого жертвоприношения. Порез над бровью все еще пульсирует и кровоточит, а руки подрагивают.

Мне совсем не нравятся пустые лица незнакомцев и их навязчивые попытки приблизиться. Что делать в таких ситуациях? Звать на помощь? Едва ли поблизости есть кто-то, действительно способный помочь. Бежать? Куда? Придется прорываться сквозь них, чтобы попасть в людное место.

– Вам что-то нужно? – Я пытаюсь выровнять скачущий голос, нервно поглядывая то на одного, то на второго мужчину.

Незнакомец повыше с угольными волосами и внушительной щетиной открывает рот, протягивая равнодушным басом:

– Теодора Бекарец? – не дождавшись ответа, он сводит лохматые брови. – Это вы?

Как правильно себя вести? Все отрицать? Соглашаться?

Я смотрю на мужчину пониже ростом. Его лоб пересекает складочка, словно трещина на безжизненной маске лица. Вжав голову в плечи, я быстро киваю, не желая испытывать их терпение. Второй незнакомец одобрительно наклоняет голову и чеканит:

– Вам нужно проехать с нами.

Я нырнула в какой-то бульварный детектив и забыла об этом? Может, случайно попала в приключенческий роман и вошла в основную сюжетную линию?

Нет, я пока еще в своем уме. В реальной жизни нельзя просто так появиться и заставить кого-то куда-то идти. Это называется похищением.

Мысль проносится в голове внезапной вспышкой. Конечно. Нужно позвонить в полицию. Как-нибудь незаметно дотянуться до телефона и набрать номер.

Осторожно опуская руку в сумку, я мысленно молюсь, чтобы незнакомцы ничего не заметили. Лучше говорить хоть что-то, чтобы их отвлечь.

– Не думаю, что мне это интересно. Я даже не знаю, кто вы такие, – напряженно протягиваю я, в мыслях проклиная замок на сумке.

Первый здоровяк настроен более миролюбиво. Он приподнимает ладонь и успокаивающе произносит:

– Наш лидер очень хочет пообщаться с вами. Не беспокойтесь, вам ничего не угрожает. Это всего лишь дружеская беседа.

Какой, к черту, лидер? Странно говорить про отсутствие угрозы, когда тебя настойчиво приглашают на какую-то сомнительную беседу.

– Я никуда не поеду. Не знаю, о ком вы говорите, но я не уеду с незнакомцами. – Голос предательски дрожит, а язык заплетается.

Ногти царапают металлический корпус, и в груди зарождается волна облегчения, так и не разливаясь по телу.

– Тебе придется поехать. Никто не спрашивал о твоих желаниях. – Из голоса мужчины пониже ростом исчезают даже намеки на вежливость.

По спине пробегает холодок. Я нервно оборачиваюсь, метнув взгляд на телефон. План незаметно позвонить в полицию проваливается. Мужчина, хотя бы пытавшийся создать иллюзию доброжелательности, быстро придвигается ко мне, хватая за руку, и дергает на себя. Мои пальцы разжимаются, выпуская телефон, а вместе с ним и надежду на спасение.

Мне едва удастся удержаться на ногах и не рухнуть прямо в руки жуткому незнакомцу. Паника закручивается в желудке, уничтожая все обрывки здоровых мыслей. Грохот сердца глушит все остальные звуки. Дыхание учащается, становясь отрывистым.

Я перестаю понимать, что происходит. Пытаюсь вырвать руку, но мужчина держит крепко, намертво вцепившись в мое запястье и выкручивая его. Боль не отрезвляет, а только подстегивает ужас, и внутренний голос вопит, что нужно бежать.

Очередной грубый рывок сдвигает меня с места, и я инстинктивно выбрасываю вперед правую руку, чтобы удержать равновесие. Отшатнуться не получается. Мужчина бледнеет, и на его лице проступает тень недоумения. Хватка слабеет, и он опускает голову.

Осознание происходящего пробивается сквозь пелену паники, но я отказываюсь верить. Пальцы сжимаются на холодной гладкой рукоятке. Дыхание перехватывает. Нет-нет-нет. Это не может быть правдой.

Я напряженно опускаю голову, мысленно молясь, чтобы все это мне показалось. Отговорки и оправдания растворяются, когда я вижу алое пятно, расплзающееся по мужской рубашке.

Чертов магический ритуальный кинжал. Я случайно стащила его из книги, не рискнув избавляться от оружия до того, как окажусь в безопасности, а теперь его рукоятка торчит из живота мужчины.

Я не хотела. Не планировала ничего подобного.

Мужчина распаивает глаза и пытается что-то сказать, но из его груди вырывается лишь невнятный хрип. Его рука повисает вдоль тела, отпуская меня, но теперь ужас не дает мне пошевелиться.

Нужно что-то сделать. Что-нибудь. Вызвать скорую. Остановить кровь.

– Дрянь, – хрипит второй незнакомец, и его голос возвращает меня в реальность.

Дернувшись назад, я не справляюсь с тем, чтобы разжать окаменевшие пальцы и выпустить рукоятку кинжала. Лезвие выходит из тела с мерзким чавкающим звуком, и мужчина сгибается пополам, зажимая рану.

Второй незнакомец подхватывает товарища и поднимает голову, уставившись на меня. Его глаза темнеют.

Тело все решает за меня, четко уловив исходящую угрозу. Я разворачиваюсь, уже даже не мечтая попасть в парк, и бросаюсь в лес, стараясь не рассчитывать на успешный побег.

Острые ветки бьют в глаза, царапают лицо и цепляют одежду. Корни и поваленные стволы под ногами норовят сбить с ног на землю. Грудную клетку жжет от быстрого бега. Я не представляю, куда несусь, но не позволяю себе остановиться – слышу позади звуки погони и треск.

Врезавшись плечом в дерево, отталкиваюсь от него, оцарапав ладонь, и от ужаса к горлу подкатывает тошнота. Сзади раздается выстрел. У меня закладывает уши. Адреналин в крови толкает вперед, вынуждая ускориться.

Я в книге. Просто забыла в какой. Такого не бывает в реальной жизни.

Да какая, к черту, разница, где я? Если меня подстрелят, результат будет одинаковым в любом случае.

Мне нечем дышать. Я жадно хватаю ртом воздух, пытаюсь сделать глоток кислорода, но легкие мучительно горят. Ноги дрожат и подкашиваются. Я не могу больше нестись в неизвестность. Врезавшись лопатками в широкий ствол дерева, жмурюсь и прислушиваюсь, но ничего не слышу.

Сердце колотится, норовя вырваться из грудной клетки.

Еще пара секунд. Я немного отдышусь и снова побегу, если смогу.

Что-то врезается в меня сбоку с такой силой, что сбивает с ног. В ушах звенит – где-то поблизости раздается новый выстрел. Я ничего не понимаю и не вижу. От столкновения я отлетаю вбок и кубарем качусь вниз, падая с обрыва.

Тело швыряет из стороны в сторону, ударяя о валуны. Панический вопль так и не слетает с языка – широкая ладонь зажимает мне рот. Только сейчас до меня доходит, что падаю я не одна.

Когда мир перестает кружиться, а бесконечные удары прекращаются, я пытаюсь вывернуться, отползти, продолжая цепляться за призрачную надежду на свободу, но меня бесцеремонно утыкают лицом в землю, надавливая на затылок. В ноздри ударяет запах гнилой листвы и прелой земли. Новая волна тошноты сжимает глотку.

Медленно, но до меня в конце концов доходит, что я все еще жива. Мне даже не делают ничего плохого, если не считать оскорбительный тычок лицом в землю. Но уязвленное самолюбие волнует меня сейчас меньше всего.

Стоит перестать дергаться и вырываться, как давление на затылок слабеет. Я выдыхаю, но не рискую отплевывать листву, только аккуратно приподнимаю голову. Нужно хотя бы попытаться понять, что происходит.

Надо мной склоняется парень, прижимая к губам указательный палец. Влажные и спутанные черные кудряшки спадают на высокий лоб и прячут настороженный взгляд.

Я никогда его не видела, но он не похож на тех психов, и от облегчения по телу прокатывается волна тепла. Я пытаюсь распрямиться и осмотреться, но парень выразительно сводит лохматые брови и дергает подбородком, веля не шевелиться.

Что, до конца дня так и лежать, надеясь на чудо?

Спорить я не решаюсь. Парень, кажется, легко ориентируется в происходящем, что подозрительно. Он сосредоточенно выглядывает из-за огромного валуна, и только сейчас я различаю легкий шорох листвы. Кто-то идет.

Хочется снова малодушно уткнуться лицом в вонючую землю, но я этого не делаю. То, что таинственный незнакомец мне помог, еще не значит, что он не бросит меня здесь.

Парень упирается затылком в валун и поджимает губы, беззвучно выругавшись. Его взгляд мечется по лесному пространству, а потом останавливается на моей руке. Парень быстро наклоняется и разжимает мои пальцы, выуживая из них кинжал. Когда он крутит его в своей руке, я замечаю красные разводы на лезвии.

Я все это время тащила чертов кинжал? Зачем? Как только я не воткнула его в незнакомца, пока мы падали с обрыва?

Потерявшись в размышлениях, я даже не пытаюсь осмыслить, зачем парню понадобился кинжал. Он на секунду выглядывает из-за валуна, а потом подбрасывает кинжал вверх, вскидывая руку.

Он решил нас выдать? Совсем идиот? И ради чего?

Возмущение так и не срывается с языка, застряв в глотке хрипом ужаса. Кинжал нарушает все законы физики, меняет траекторию и устремляется к источнику шагов.

Над лесом разносится короткий вскрик, а потом глухой удар – тело падает на землю.

Кинжал возвращается, и парень легко перехватывает рукоять. С лезвия срывается пара свежих алых капель. Я застываю, не в силах объяснить происходящее.

Сунув кинжал за пояс, незнакомец вскакивает, дергая меня за руку. Я поднимаюсь на ноги по инерции, но не могу сделать и пары шагов. Парень раздраженно оборачивается и тянет меня за собой:

– Шевелись давай! Или хочешь, чтобы они нас догнали?

Догнали? Да о чем он? Он только что каким-то чудом воткнул кинжал в человека силой мысли. Едва ли эти двое сейчас способны на преследование.

Парень не собирается отпускать руку и бросать меня здесь. Приходится перебирать ногами, подстраиваясь под его безумный бег. Не представляю, как мне удастся удерживать равновесие. Ботинки цепляются за толстые корни, но внезапная поддержка каждый раз спасает от падения.

Картинка вокруг размывается, мелькая смазанными пятнами. Не помню, как мы выбираемся из леса – голые деревья и ворох листвы сменяются серыми хлипкими зданиями. Сквозь шум в ушах пробивается гул машин и звуки города.

Я не могу сориентироваться, сколько ни пытаюсь увидеть хоть что-то знакомое. Перед глазами мелькают одинаковые мрачные постройки, узкие переулки и безликие замкнутые дворики. Мне плохо удастся вписываться в повороты – порой приходится врезаться то плечом, то бедром в обшарпанные каменные углы.

В боку мучительно колет, словно кто-то вогнал раскаленное лезвие прямо под ребра. Хриплый кашель пока получается сдерживать, но я сомневаюсь, что меня хватит надолго. Голова кружится, легкие болезненно пульсируют, а сердце вот-вот проломит грудину. Я бы уже давно рухнула на колени и уткнулась лбом в крошащийся асфальт, расходящийся трещинами под ногами, но незнакомец не позволяет.

Единственный ориентир в сгущающейся вокруг темноте – теплая ладонь с подсыхающими пятнами крови. Длинные пальцы плотно стискивают мою руку и заставляют двигаться вперед.

Пожелтевшая металлическая дверь с подтеками ржавчины распаивается прямо перед лицом, и меня утягивают в темную прохладу подъезда. Лестничные пролеты с выбитыми окнами и заброшенными строительными лесами мелькают перед глазами, пока непреодолимая сила тащит меня наверх по лестнице.

Сердце вздрагивает, когда я оступаюсь. Пятка съезжает в сторону, зависнув в воздухе, и я смотрю вниз. Зря. Здесь нет перил, способных защитить от случайного падения.

Грубый рывок утаскивает меня наверх, не позволяя поддаться ужасу. От запаха мочи, алкоголя и размокших окурков скручивает желудок.

Цепкие пальцы разжимаются, выпуская мою руку, и силы оставляют меня. Не за что больше держаться, поэтому я бездумно оседаю на серый каменный пол прямо в строительную пыль. Ладони упираются в склизкие гниющие доски.

Сил не остается. В голове разливается пустота. Все вопросы растворяются. Хочется только глубоко дышать и закрыть глаза, проваливаясь в темноту. Каждая клеточка тела ноет, наливаясь тяжестью.

Парень, крутанувшись вокруг своей оси, поднимает руки, запуская пальцы в лохматые влажные кудри. Шумно выдохнув, он поворачивается ко мне и на одном дыхании гневно выпаливает:

– Ты совсем спятила? Правила Академии для того и нужны, чтобы не попадать в такие ситуации. Это же додуматься надо – прямо посреди парка! Теперь хотя бы уяснила?

Я не могу осмыслить его сбивчивый поток речи. Какие правила? О чем он вообще?

О, нет. Он не может оказаться психом. Я еле как сбежала от тех двоих не для того, чтобы забраться в недостроенную полуразрушенную высотку с таким же чокнутым.

Попытка успокоиться обречена на провал. У меня нет причин не доверять ему – он мне, похоже, жизнь спас, – но и для доверия особых поводов нет. Мало ли, зачем ему это понадобилось.

Парень истолковывает мое молчание по-своему. Он тяжело вздыхает и опускается на корточки рядом, миролюбиво улыбаясь:

– Да расслабься. Я тоже из Академии. Странно, что раньше не пересекались. – Незнакомец наклоняет голову, окутывая меня дружелюбным взглядом. Я бездумно рассматриваю прямой нос с широкими крыльями.

Какая, к черту, Академия? О чем он говорит? Что за чушь? Единственная академия в городе, которая приходит на ум, – это академия культуры и искусств, но едва ли ее студенты вынуждены постоянно убегать от вооруженных психопатов и умеют метать ножи.

– Я не понимаю, о чем ты говоришь, – настороженно протягиваю я, внимательно следя за действиями парня. Он наклоняется слишком близко.

Я вспоминаю мрачного мужчину, точно так же приближавшегося ко мне, и не выдерживаю. Дернувшись назад, я упираюсь спиной в стену, а парень хмурится, внимательно всматриваясь в мое лицо:

– Где ты учишься? – устало уточняет он, будто этот вопрос способен все прояснить.

– В университете на библиотекаря, – отрешенно отзываюсь я, бросив попытки осмыслить безумный разговор. Если так хочет знать, пожалуйста. Информация бесполезная, вряд ли она что-то ему даст.

Черные лохматые брови удивленно приподнимаются, и парень заводит руку за голову, почесывая затылок:

– Погоди-ка. Ты что, серьезно ничего не знаешь про Академию?

Терпение, и без того надломленное всеми безумствами последнего часа, трескается, и сквозь него прорывается лавина возмущения:

– Да какая академия? Ты кто вообще такой?

Лицо парня смягчается. Он понимающе кивает – хотя мне вот ни черта не понятно – и улыбается, протягивая руку:

– Альберт, но лучше просто Берт. Я книгоходец, как и ты.

Ясно. Все-таки псих. Нужно как-то выбираться отсюда. Аккуратно, чтобы не спровоцировать Берта. Вернуться домой, захлопнуть дверь и оставить позади весь этот бред.

Бросив быстрый взгляд по сторонам, я медленно поднимаюсь на ноги, мысленно благодаря стену за опору. Колени дрожат, правое плечо простреливает странной болью, но куда сильнее меня сейчас беспокоит близость к сумасшедшему, от которого можно ожидать чего угодно. Недавно он спас меня, а сейчас решит сбросить с двенадцатого этажа. Никто не застрахован от чужого безумия.

Выдавливая улыбку, я незаметно смещаюсь в сторону, двигаясь вдоль стены, и протягиваю, пытаясь отвлечь Берта разговором:

– Понятно. Знаешь, приятно было познакомиться, спасибо за помощь, но мне пора. Нужно торопиться, извини.

Он шагает со мной, преграждая путь к лестнице, и усмехается, мотнув головой так, что прилипшие ко лбу пряди взлетают:

– Да брось, я не сумасшедший, и ты прекрасно это знаешь.

Как бы не так. Я не знаю о нем вообще ничего.

Поняв, что убедить меня не удастся, Берт приподнимает брови и скрещивает руки на груди, смерив меня смеющимся взглядом:

– Это просто глупо. Я видел, как ты вернулась из книги. Я это прекрасно понял, потому что тоже так могу.

Я замираю, хотя внутренний голос все еще приказывает быстрее убираться отсюда.

Может, это мой шанс узнать что-то полезное? Я впервые встречаю человека, который говорит, что понимает меня. Во всех моих книжных путешествиях приходилось разбираться по наитию и в одиночку. Почти.

Первое хоть сколько-нибудь осознанное погружение произошло в пятом классе. Я читала учебник по истории и буквально засыпала от скуки. Строчки поплыли перед глазами, а потом я оказалась посреди бескрайней пустыни прямо под безжалостно палящим солнцем. Толпы людей волокли за собой огромные каменные блоки, песок перед ними поливали водой.

Я жутко испугалась и ничего не понимала. Бежала куда глаза глядят и скиталась, пока не выбралась наконец к реке. Я думала, что умру от ужаса, истощения и жажды, но хотя бы воду нашла. Напившись, я смирилась со своей участью и свернулась на земле, беззвучно ожидая неизбежного.

Очнулась я в своей комнате, а когда вышла оттуда, увидела сокрушающуюся маму с заплаканными глазами и тетю Диану, которая успокаивала ее. Оказалось, что я исчезла на двое суток.

Все требовали от меня объяснений, но их не было. Не нужно быть взрослой, чтобы понимать, что такой рассказ в лучшем случае примут за фантазии, а в худшем – за повод насторожиться. Я молчала и ничего не говорила. Тогда Диана шепнула, что, если я захочу поболтать о чем-нибудь, двери ее дома всегда открыты, и уехала. Мама перестала плакать и начала кричать.

Меня хватило на неделю бесплодных попыток осмыслить произошедшее, и в конце концов я оказалась в доме тети. Она выслушала меня внимательно и серьезно. Смеяться не стала.

Тогда-то Диана и сказала, что уметь кое-что, чего не умеют другие, – очень даже здорово, но рассказывать об этом на каждом углу не стоит. Лучше, чтобы вообще никто не знал.

Я следовала ее совету почти десять лет и не собираюсь нарушать его сейчас ради какого-то сумасшедшего.

– Не представляю, о чем ты говоришь, – вежливо улыбнувшись, я медленно выдыхаю и продвигаюсь вперед. – Мне пора.

Мне удастся сделать пару шагов в сторону лестницы, но, когда вздох облегчения готов сорваться с губ, в спину ударяется недовольный голос:

– Погоди.

Пальцы сжимаются на запястье, и этот жест оказывается последней каплей. Уставшее растерянное сознание не выдерживает, взрываясь яростными всполохами буйной паники.

– Отпусти! Отпусти меня! – Я пытаюсь вырваться, но ничего не выходит. Хватка только усиливается.

Я дергаюсь из стороны в сторону и отчаянно трясую головой. Руки наливаются тяжестью и еле двигаются, но я все равно размахиваю ими, защищаясь. Не знаю, сколько бы это продлилось, если бы Берту не надоело уклоняться от неумелых, но настойчивых ударов.

Он стискивает мои плечи и толкает к стене. Воспользовавшись моей секундной растерянностью, он легко перехватывает оба запястья одной рукой, лишая меня последнего способа защиты, и заводит вторую за спину.

В голове мелькает ужасная мысль. У него остался мой кинжал. Он сейчас достанет его и заколет меня. И стоило сбегать с жертвоприношения, если в реальности меня ждала такая же участь?

По задней поверхности шеи сбегает ледяная капля, я собираю остатки сил и дергаюсь в сторону, отчаянно взыв:

– Отвали!

– Вот! – Берт вскидывает руку, зажав что-то в пальцах, и кивает на мою шею. – У меня точно такие же, как у тебя. Посмотри.

Часы. В его руке зажаты карманные часы. Серебристые, с узором. Даже камни на крышечке расположены похоже.

Возможно ли такое странное совпадение? Много ли людей таскают с собой карманные часы?

– Слушай, – Берт доверительно наклоняется и медленно проговаривает каждое слово. – Я сейчас тебя выпущу. Давай договоримся, что ты не будешь на меня бросаться и убегать. Ладно?

Настойчивый взгляд заставляет кивнуть. Берт медленно разжимает пальцы, неспешно поднимает руки, держа ладони перед собой, и отступает, прекратив вдавливать меня в стену.

Я устала. Невыносимо. Адски. Ноги больше не держат. Я сползаю по стене вниз, и волосы на затылке пушатся и задираются. Тело опускается обратно в грязь и размокшие картонки.

Берт присаживается рядом, рухнув прямо в слой пыли. Он не спускает с меня настойчивый взгляд и виновато пожимает плечами, словно пытается попросить прощения, хотя извиняться стоит мне.

Молчание не помогает собраться с мыслями. Как бы я ни пыталась напрячь мозги, в голове остается звенящая пустота, и я протягиваю руку Берту, устало выдохнув:

– Теодора.

Он усмехается, бережно пожимая мои пальцы, и хмыкает:

– Приятно познакомиться, Теодора.

Сомневаюсь, что знакомство при таких обстоятельствах можно назвать приятным, но Берт улыбается так непринужденно и искренне, что я готова поверить.

Он отпускает мою ладонь, а потом резко подается вперед, уверенным движением стягивая с моего плеча пальто. Опешив от внезапной наглости, я отшатываюсь назад, но сил на реальный страх уже не остается.

– Какого черта ты делаешь? – Мой голос звучит сухо и безразлично.

Берт замирает, поднимая голову, и, наткнувшись на мой взгляд, округляет глаза. Неловко отдернув руку, он пристыженно произносит:

– Прости. Я не хотел ничего такого. – После всего, что сегодня произошло, смущаться ему точно нечего, но Берт кивает и неловко поводит подбородком. – Тебе плечо задело пулей. Я думал, ты поймешь.

Похолодев, я откидываю рукав и с ужасом замечаю алые разводы и длинный разрыв на ткани. Приходится выкрутить руку, и взгляд наконец-то цепляется за косую кровавую линию на коже. К горлу подкатывает тошнота, в сознании вспыхивает боль, словно рана появилась, только когда я о ней узнала.

Я безвольно киваю в ответ на вопросительный взгляд Берта, не находя ни одной причины отказывать ему. Он снова наклоняется и, раздвинув края разорванного свитера и рубашки, сосредоточенно хмурится. Пальцы у него теплые, а прикосновения аккуратные и бережные.

– Тебе нужно в Академию, Теодора. Я в таком не очень хорош, но Лора сможет помочь. Да и вообще, тебе действительно...

Понятия не имею, в чем он не очень хорош, но ни в какую Академию мне точно не хочется.

– Если мне куда-то и нужно, так это домой, – перебиваю его я, осторожно высвобождая руку из чужих пальцев. – Или к врачу. Но лучше домой.

Берт тяжело вздыхает и отстраняется. Я ожидаю, что на меня сейчас обрушится шквал аргументов, но вместо этого Берт вытаскивает из-за пояса кинжал и кладет его между нами:

– Где ты это взяла?

Лезвие тут же скрывается в грязи, но я все равно вижу засохшую кровь. Пытаясь не думать о двух незнакомцах и их дальнейшей судьбе, пожимаю плечами и отрешенно протягиваю:

– Стащила случайно из книги. У меня было не самое спокойное возвращение, и я побоялась избавляться от него заранее.

На меня обрушивается внезапная тишина. После звуков бодрого голоса Берта пауза сбивает с толку, и я поднимаю на него взгляд. Берт стоит, застыв с приоткрытым ртом. Напряженный наклон головы и прищуренный взгляд пускают по коже холодные мурашки.

– Что, прости, ты сделала? – вкрадчиво переспрашивает он.

Длинные паузы между словами напрягают. Почему он так странно реагирует?

– Ты же сказал, что ты такой же, – с упреком напоминаю я, беспокойно всматриваясь в лицо Берта. – Подумаешь, прихватила с собой ритуальный ножик. Они и без него прекрасно справляются.

С губ Берта срывается короткий смешок, а потом он вскидывает руку, хватаясь пальцами за свои волосы:

– Музы милостивые, ты это серьезно? Поверить не могу. Тебе точно нужно попасть в Академию.

Да что за Академия, о которой он без умолку болтает? Неужели не ясно, что я вообще ничего не понимаю?

В глубине души зарождается желание смириться и согласиться, чтобы он от меня отстал, но здоровая настороженность не позволяет кивнуть и плыть по течению.

Берт щурится, разглядывая меня с неподдельным интересом, и задумчиво проговаривает:

– Слушай, я могу назвать кучу причин, по которым тебе действительно стоит пойти со мной, но так мы просидим здесь до ночи, а ты вряд ли этого хочешь. Поверь, люди, с которыми ты столкнулась, обязательно вернутся, а в Академии тебе помогут. Ты одна из нас, значит, всегда можешь рассчитывать на защиту и убежище.

Сомнения отступают, и на их месте возникает целый ворох вопросов. Эти двое действительно могут вернуться? Что им вообще было нужно? Я смогу найти ответы в этой чудесной Академии?

– Ты знаешь, кто это был? – Любопытство оказывается сильнее и недоверия, и желания поскорее оставить позади сегодняшний день.

Берт задумчиво хмурится, и на его лбу появляется маленькая складочка:

– Не могу утверждать наверняка, но есть все основания полагать, что да. В Академии лучше объяснят.

Не нужно мне в это ввязываться. Ни к чему хорошему это не приведет. Никогда не приводит. Я прочитала достаточно книг, чтобы учиться на чужих ошибках, а не набивать собственные шишки.

Но все же выяснить, что происходит, было бы очень кстати.

Словно почувствовав мои колебания, Берт вздыхает и поднимается на ноги, подавая мне руку:

– Не беспокойся, ты сможешь уйти в любой момент. Если кто-то решит тебе помешать, я лично тебя вытащу и верну домой.

Заманчиво. Я задумчиво разглядываю протянутую ладонь, и гул сомнений постепенно затихает в голове. Хуже уже не будет.

– Кто-то может решить мне помешать? – Вопрос слетает с языка, хотя я уже хватаюсь за теплую ладонь и, под действием рывка, распрямляюсь.

Берт хмыкает, наклоняется, поднимает ритуальный кинжал и возвращает его за пояс:

– Мы живем в безграничном пространстве вероятностей. Ничего нельзя исключить наверняка. – Окинув меня веселым взглядом, он извлекает из кармана старенький телефон и кивает. – Я вызову такси.

Стоит написать маме или Лео, что я задержусь. Просто на всякий случай, чтобы они не решили снова в чем-то сделать меня виноватой.

Набросив на плечи грязное пальто, я дергаю ремешок сумки и раздраженно перебираю тетрадки, конспекты, ручки и чистые листы бумаги. Проверив несколько раз, я обреченно вздыхаю и прикрываю глаза:

– Черт. Я, похоже, обронила где-то телефон.

Берт отрывается от экрана и мгновенно предлагает:

– Хочешь кому-то позвонить? Возьми мой.

А я хочу? Да к черту. И маме, и Лео совершенно плевать, что у меня случилось. Зачем самовольно обрекать себя на упреки? Скажу, что просто задержалась на занятиях. Если кто-нибудь вообще спросит.

Не буду лишний раз омрачать их радостный день своим присутствием. Мотнув головой, я смотрю под ноги, бормоча:

– Да не нужно, спасибо. Сомневаюсь, что мое отсутствие вообще заметят.

Берт окидывает меня быстрым взглядом и понимающе поджимает губы. Он ничего не говорит, но мне впервые за долгое время кажется, что кому-то не все равно.

3

Lifeline

Такси останавливается и выпускает нас, Берт галантно подает мне руку, помогая выйти. Мы не обменялись и парой слов, пока добирались. Я внимательно следила за каждым поворотом в тщетных попытках запомнить дорогу, а Берт беспрерывно строчил что-то в телефоне.

Я не так часто бывала в этой части города, а теперь заворуженно осматриваюсь. Современные высотки соседствуют с монументальными старыми зданиями, яркие вывески контрастируют со сдержанными адресными табличками. На первый взгляд на этой широкой шумной улице есть все необходимое – жилые дома, ресторанчики, магазины и места для развлечений. Через дорогу даже виднеется вывеска театра.

Разрухи здесь совсем нет, или так только кажется из-за нарядных фасадов, радостных прохожих и веселой музыки, льющейся из уличных колонок.

– Идем, Теодора. Нас уже ждут. – Берт нетерпеливо тянет меня за руку, отрывая от заворуженного рассматривания улицы.

Понятия не имею, куда меня тащит Берт. Но тут я открываю рот и прижимаю к нему ладонь, застыв и недоверчиво уставившись перед собой.

Взгляд упирается в темно-серые корпуса. От главной башни высотой этажей в двадцать отходят менее высокие постройки, напоминая крылья. Рядом пристроилась еще пара зданий, замыкая ансамбль. Венчает башню блестящий в закатном солнце золотистый шпиль на бельведере.

Строгая симметрия создает торжественную обстановку. Фасады украшены сюжетными барельефами и мозаикой, и хочется рассматривать каждую деталь. Строения облицованы керамическими плитами, мрамором и гранитом, в бежевых, коричневых и серых цветах.

Мы серьезно идем именно сюда? Или это злая шутка?

Словно прочитав мои мысли, Берт довольно хмыкает:

– Лучший способ что-то спрятать – поместить у всех на виду. Впечатляет, правда?

Я отрешенно киваю, не находя подходящих слов, и зачарованно разглядываю причудливые мозаичные узоры, пока мы поднимаемся по широкому гранитному крыльцу. Над парадным входом выступает мудреная лепнина, но Берт не дает мне насладиться величественной красотой. Он открывает тяжелую дверь и пропускает меня вперед.

Просторный холл встречает нас блестящим мраморным полом и внушительной размером – каждый шаг отдается эхом. Высокий потолок расписан в темно-синих тонах и украшен огромными хрустальными люстрами, а в самом центре располагается широкая каменная лестница с изящными перилами. Она плавно поднимается и расходится в разные стороны, устремляясь в правое и левое крыло.

Хаос голосов и топот окружают со всех сторон. По холлу группами перемещаются люди. Одни переговариваются, другие на ходу листают книги. Дети, устроив догонялки, бегают вокруг круглого белоснежного фонтана. В центре него – скульптуры женщины и мужчины с книгами в руках.

Сколько же здесь людей? Что это вообще за Академия такая?

– Если захочешь, ты еще сможешь все рассмотреть, но сейчас нас ждут, – напоминает Берт, уводя меня в сторону от лестницы.

Пока мы идем к громоздкому лифту с раздвижной фигурной решеткой, люди улыбаются, здороваются с Бертом и бросают ему дружелюбные фразы.

– Как дела?

– Давно не виделись.

– Хорошо день провел?

Вопросы звучат со всех сторон, но Берт легко в них ориентируется. Улыбается милой девушке с двумя косичками, на ходу пожимает руку высокого широкоплечего парня и треплет по голове проносащегося мимо мальчишку.

Неудивительно, что Берт говорил про Академию с таким энтузиазмом. Я бы тоже всем сердцем полюбила место, где меня встречают так тепло.

Мы заходим в просторный лифт, и дверцы уже почти закрываются, когда какой-то коренастый парень останавливает их рукой и протискивается внутрь. Он окидывает нас быстрым любопытным взглядом, хмыкает и пожимает Берту руку.

– Надеюсь, не помешаю? – Уловив отрицательное движение головы, он прислоняется к стенке лифта и щурится, складывая губы в язвительную улыбку. – Наконец-то привел подружку?

Лифт дергается и двигается вверх. Берт спокойно откидывает выющую челку.

– Вроде того.

– Давно пора. – Парень одобрительно усмехается и засовывает руки в карманы серых брюк.

– Это Теодора. Познакомься, – кивает Берт, не реагируя на насмешливые интонации. Парень тут же склоняет голову набок, окидывая меня оценивающим взглядом.

Никому не понравится, когда на тебя так смотрят, но я слежу за сменой этажей за стеклянными стенками и слишком поглощена зрелищем, чтобы огрызаться.

– Имеет смысл запоминать? Или мы больше никогда не увидимся? – Он все же не в силах сдержать нахальную ухмылку.

Второй вариант меня вполне устраивает, и я собираюсь об этом заявить, но Берт невозмутимо пожимает плечами, опережая меня:

– Это полностью зависит от желаний Теодоры, но я бы на твоём месте не стал пренебрегать новыми знакомствами.

Взгляд неприятного парня меняется. Он приподнимает брови, но все-таки протягивает руку:

– Джулиан, – произносит он так лениво и пренебрежительно, словно одолжение делает.

Интересно, он ждет, что я с восхищением начну ему в ноги кланяться?

Лифт тормозит, и по телу проносится тревожная волна жара. Я рассеянно пожимаю протянутую ладонь и поспешно выскальзываю за Бертом.

В коридоре пусто, что удивительно контрастирует с оживленностью первого этажа. Высокие стены с темными деревянными панелями украшены картинами в позолоченных рамах, гранитный пол устилают бордовые ковры. По пути встречаются бесконечные одинаковые двери, журнальные столики с узорчатыми цветочными вазами и тонкие торшеры с бархатными абажурами, рассеивающими теплый желтый свет.

Берт уверенно идет по коридорам и не задумываясь сворачивает на развилках, а мне остается только семенить за ним. На языке вертятся вопросы. Куда мы идем? Кто нас там ждет? К чему стоит подготовиться? Я бы спросила у Берта хоть что-то, но вместо этого глубоко вдыхаю и медленно выдыхаю, постукивая пальцами по бедру. Меня не покидает ощущение, что сейчас происходит что-то очень важное, хотя вообще-то не происходит практически ничего.

Затормозив перед одной из дверей, Берт коротко стучит и приглашает меня войти, но, заметив мое нервное движение головой, проскальзывает внутрь первым.

В кабинете по коричневым стенам тянутся выющиеся узоры. Тяжелые бархатные шторы закрывают окна, а перед ними высится массивный стол из красного дерева. Русоволосый парень сидит в бархатном кресле, со скучающим видом запрокинув голову, а с подлокотника при нашем появлении вскакивает хрупкая девушка с нежными чертами лица. Она всплескивает тонкими руками и устремляется к нам:

– Почему вы так долго, во имя муз! Мы заждались. – Светло-серый взгляд перескакивает на меня, и девушка смягчается, обеспокоенно сводя белесые брови. – Что-то случилось?

Берт не торопится отвечать. Он щурится, метнув взгляд на парня в кресле, и неприязненно морщится.

– Что он тут делает? Я же сказал, что это секретно.

Я передергиваю плечами от кривой ухмылки парня и снисхождения в его зеленых, искрящихся насмешкой глазах. Он лениво приподнимает брови и уже открывает рот, но девушка встает между ним и Бертом и хмурится:

– Прекрати, Берт. Я была с Марком, когда ты написал. Он согласился помочь. – Она с вызовом задирает острый подбородок и сжимает края короткой пышной юбки, пряча пальцы в темных фиолетовых складках.

Берт замирает, приоткрыв рот, но проглатывает недовольство и опускает голову, поворачиваясь ко мне.

– Это Лора, она тебе поможет. Я скоро вернусь.

Я не успеваю даже осознать его слова, как Берт разворачивается и шагает к выходу, действительно собираясь меня оставить. Я не готова к такому. По пальцам пробегает дрожь, и я обнимаю себя за плечи, невольно двинувшись за Бертом. С ним было спокойнее, словно я успела свыкнуться с мыслью, что ему можно доверять.

Мой порывистый выдох заставляет Берта обернуться. Он замечает мое напряжение и останавливается, одарив меня ободряющей улыбкой:

– Все в порядке. Я скоро вернусь, а пока ты в надежных руках. – Он быстро касается моего плеча, но тут же отдергивает руку. – Лоре можно доверять.

Мне совсем не нравится, что говорит он только о девушке, нарочито игнорируя парня. Мы так не договаривались, но возмутиться я не успеваю – Берт скрывается за дверью, оставив меня растерянно пялиться на позолоченную ручку.

– Не волнуйся, – нежно протягивает Лора, и я оборачиваюсь на звук ее ласкового голоса. Она складывает лиловые губы в мягкую улыбку и протягивает мне стакан воды. – Берт сейчас все объяснит Главе, и они вернутся. Глава к нему прислушается. Берт все-таки его сын.

Глоток воды встает поперек горла, и я закашливаюсь, жадно хватая ртом воздух. Сын, значит? Могу ошибаться, но это одна из тех деталей, о которых стоит предупреждать заранее.

Встрепенувшись, Лора хлопает себя по лбу и выдвигает стул с резной спинкой:

– Теодора, значит? – Она жестом приглашает меня сесть на мягкое, обтянутое коричневой кожей сиденье. – Берт написал, что у тебя что-то с рукой.

Интересно, что еще он успел настрочить? Как вообще возможно это объяснить и почему она ведет себя так, словно помощь незнакомцам – ее ежедневная рутина?

Вопросы даже в голове звучат странно, и я не решаюсь их задавать. Послушно опускаюсь на стул, наблюдая за склонившейся надо мной Лорой. Ее белые волосы заплетены в объемную косу с черной лентой, продетой между прядями, но пара локонов выбивается и падает на лицо. Лора аккуратно забирает из моих рук сумку – я отдаю без особых переживаний, уже смирившись со всем, что будет происходить, – и бережно стягивает с меня пальто.

– Пресвятые пегасы! – Она шумно втягивает носом воздух и яростно щурится. – Берт сказал, там просто царапина. Ты точно в порядке? Нормально себя чувствуешь?

Я рассеянно киваю, неловко двинув плечом, – неприятно, но на этом все. Лора говорит много и быстро, но я едва могу сконцентрироваться на ее словах. Пристальный взгляд Марка проходится по мне скальпелем. Хочется сжаться и спрятаться. Я натужно сглатываю и опускаю голову.

– Можешь снять джемпер? – Лора разводит руками, виновато улыбнувшись. – Так будет куда проще разобраться с твоей рукой.

Задаваться вопросами я уже не могу и послушно стягиваю одежду, радуясь возможности на секунду спрятаться в ворохе ткани и волос.

В нос бьет резкий запах спирта. Лора раздвигает края разрыва на рубашке. В ее пальцах мелькает влажный ватный шарик, и плечо мгновенно взрывается острой болью, выталкивая из груди сдавленное шипение. Щиплет до слез, но я стискиваю зубы и проглатываю рвущиеся наружу звуки.

– Непросто тебе пришлось, да? – Лора дует на рану, бережно стирая кровь. Ее быстрая мелодичная речь отвлекает, не позволяя заикнуться на жжении в плече. – Но теперь ты в безопасности. Не волнуйся, Глава никому не позволит тебе навредить. Он только с виду кажется строгим и серьезным. На самом деле он добрейший человек и заботится о каждом книгоходе.

Воспринимать информацию непросто – сознание, поглощенное болью, путает и искажает смысл, но я жадно ловлю каждое слово, надеясь узнать что-нибудь полезное.

– Прекрати обнадеживать, Лора, – фыркает Марк из кресла. – Можно так считать, когда ты его воспитанница, но к реальности это никакого отношения не имеет. Глава не святой, он поступит так, как лучше для Академии. Не для нее.

Логично, но в груди все равно змейкой сворачивается досада. Я здесь чужая. С чего вообще я решила, что незнакомые люди станут мне помогать? Берт – скорее исключение из правил.

Ватка слишком сильно вжимается в рану. Холодок пробегает по коже, и у меня на мгновение темнеет в глазах. Лора яростно скидывает голову, и ее большие глаза гневно сужаются:

– Заткнись, Марк. Теодора – одна из нас. То, что лучше для нее – лучше для Академии. – Нежный голосок готов вот-вот сорваться, но Лора быстро берет себя в руки, продолжая бережно обрабатывать рану.

Со стороны Марка вылетает едкий смешок:

– Тебе пора повзрослеть, Лора. Посмотри правде в глаза.

Я возмущенно дергаюсь, но Лора перехватывает мое плечо, не давая обернуться. Почему он позволяет себе такое? Мне казалось, между ними довольно теплые отношения. Хотя, конечно, я вполне могла ошибиться. Я вижу их впервые, а делать поспешные выводы – моя самая любимая ошибка.

На лице Лоры ни на секунду не проскальзывает ни обида, ни разочарование. Она меняет ватный шарик и сухо бросает:

– Можешь пойти и заняться своими делами. Я тебя ни о чем не просила.

Я поджимаю губы, пряча улыбку. Спокойствие и уверенность в голосе Лоры заслуживают уважения.

За спиной раздается шорох, и боковое зрение цепляет фигуру Марка. Он останавливается возле письменного стола и скрещивает руки на груди. Снисходительное высокомерие тенью падает на его острые черты, и Марк развязно усмехается, приподнимая бровь:

– Хочешь, чтобы я ушел?

Он словно ни на секунду не сомневается в ответе, но Лора не поддается на провокацию, слегка пожимая плечами. Даже не оборачивается.

– Да, это было бы кстати, если не собираешься помогать. Незачем запугивать Теодору. – Она ласково улыбается мне и наклоняется. – Не обращай внимания. Он просто рисуется, вот и выглядит как придурок. – Картинно округлив глаза, Лора фыркает. Улыбка все-таки растягивает мои губы.

Поначалу мне кажется, что Марк и вправду сейчас уйдет. Когда он отталкивается от стола и лениво пересекает комнату, из меня даже вырывается облегченный выдох, но Марк останавливается возле нас.

Взгляд упирается в кожаный ремень на его брюках, и я неловко отворачиваюсь. Марк хмыкает, легко считав мое смущение, отодвигает Лору в сторону, отводя ее руку, и наклоняется ко мне. Я старательно сверлю взглядом ножку стола, но долго оставаться в таком положении не выходит.

Длинные пальцы вцепляются в мой подбородок и дергают его наверх. Мне приходится поднять голову и столкнуться с внимательным зеленым взглядом. Первый порыв возмутиться и отшатнуться так и остается пустой мыслью.

Марк поднимает вторую руку и надавливает подушечками пальцев на порез над бровью. Я уже забыла о нем, а сейчас готова задохнуться от острой вспышки боли, но она проходит через мгновение. Кожу покалывает в ответ на аккуратные прикосновения, и края словно сходятся, а Марк уже касается раны на плече.

У меня перехватывает дыхание. В глазах на мгновение темнеет, но теплое покалывание облегчает боль, и я сдавленно выдыхаю. Что за чертовщина? Что только что произошло?

Теряясь в жутких догадках, я настороженно повожу плечом. Оно двигается легко, словно и не было никакой раны. Марк наклоняется ближе, игриво улыбаясь, и говорит:

– Ну вот и все. – Подушечкой большого пальца он оглаживает мой подбородок, и я все-таки дергаюсь назад от этого неуместного прикосновения. Марк усмехается, откидывая русые волосы набок, и поворачивается к Лоре. – Довольна?

Тяжелый вздох красноречивее любых ответов. Лора закатывает глаза, покачивая головой:

– Не обращай на него внимания. Он просто хочет тебя впечатлить.

У него получилось. Не знаю, как у них, но в моем мире ссадины не исчезают от прикосновений. Кожу все еще покалывает, и я растерянно киваю Лоре. Вместо очевидных вопросов из меня вылетает смущенное «спасибо». Марк окидывает меня долгим взглядом и довольно хмыкает.

– Сочтемся, птичка.

Следовать совету Лоры не так просто. В опустившейся тишине я все еще слышу бархатные нотки его голоса и прикрываю глаза, борясь с желанием мотнуть головой, чтобы прийти в себя.

Слишком много впечатлений для одного дня. Слишком много странностей.

Где вообще Берт? Он обещал, что скоро вернется, но прошла уже целая вечность.

– Слушай, Теодора. – Лора подходит ближе, переминаясь с ноги на ногу. Она порывисто наклоняется и заговорщицки шепчет. – Это правда? То, что Берт написал. – Лора быстро облизывает губы, глядя на меня с неподдельным любопытством. Осознав, что я совсем не понимаю вопрос, она добавляет. – Про ритуальный кинжал.

Я медленно выдыхаю и закусываю губу. События в парке кажутся далеким воспоминанием. Словно и не со мной это было. Может, и не было ничего. Заманчивая мысль, но все-таки я сделала то, что сделала, сколько бы ни пыталась это отрицать.

Лора ждет ответ, затаив дыхание, и я неуверенно пожимаю плечами.

– Это вышло случайно. Я испугалась, и рука сама дернулась. Я не хотела никого ранить, он сам подошел. – Я опускаю голову, рассматривая серебристый узор на синем ковре.

Тишина звенит. Я беспокойно скребу ногтями ладони, ожидая приговор. Лора переводит на Марка тяжелый взгляд. Он пару секунд смотрит на нее в ответ, а потом взрывается громким заливистым смехом.

– Она даже не понимает, о чем ты говоришь. – Марк делает шаг ко мне и опускается на корточки, вглядываясь в мое лицо. – Ты просто прелесть, птичка.

Хочется треснуть его чем-нибудь тяжелым, чтобы стереть с лица снисходительную торжествующую ухмылку, но вместо этого я в растерянности наклоняю голову. Может, хоть он объяснит, в чем дело.

Осуществиться моим надеждам не суждено. Дверь открывается, впуская обрывок фразы, явно нам не предназначенной:

– ...если ты вечно создаешь проблемы. Нельзя просто тащить в Академию кого попало, – отрывисто чеканит низкий голос.

Я оборачиваюсь, напряженно сжимаясь. В комнату входит Берт и еще один парень, до жути на него похожий. Те же широкие брови, четкий овал лица и яркие черты, только выющиеся волосы не торчат хаотично, а аккуратно уложены назад. В медовых глазах нет и намек на веселье и непринужденность Берта, движения выверенные и четкие, ни одного лишнего жеста, никакой неоправданной торопливости.

Они одинаковые на первый взгляд, но, если присмотреться внимательнее, отличия бросаются в глаза. Братья? Близнецы? Самые непохожие близнецы, которых я встречала. Впрочем, я их не так уж и много видела.

Берт сконфуженно морщится – вряд ли он хотел, чтобы кто-то услышал их разговор, – и кивает мне:

– Теодора, это Эрик. Эрик, Теодора.

Эрик смеряет меня коротким тяжелым взглядом и сухо кивает, проходя дальше в комнату. Я даже не успеваю кивнуть в ответ и приподнимаю брови. Да и пожалуйста. Я не друзей сюда заводить пришла.

А зачем вообще я сюда пришла?

Эрик опускается в кресло и, не тратя время на вежливость, коротко поясняет:

– Старший Совет занят. Отец скоро подойдет.

Значит, все-таки братья. Об этом тоже можно было предупредить.

Взгляд Эрика останавливается на Марке. Тот распрямляется, перестав пристально и пугающе рассматривать меня, но отходить не торопится.

– Тебе совсем не обязательно присутствовать, – холодно бросает ему Эрик.

Грубость вызывает у Марка ленивую улыбку, и он наконец-то отходит, вальяжно опускаясь в кресло напротив:

– Повезло, что у меня нет более важных дел. – Легким движением руки Марк зачесывает русые волосы набок, спокойно встречает взгляд Эрика и хмыкает. – Жаль, что ты не можешь меня выставить, а?

Миленько у них тут. Атмосфера дружелюбия и взаимовыручки просто витает в воздухе.

Лора закатывает глаза и опускается на коричневый диванчик. Она бездумно вытягивает лист бумаги из стопки на стеклянном журнальном столике, и ее пальцы быстро складывают его, проглаживая сгибы.

Я заворожено наблюдаю за уверенными движениями тонких пальчиков, когда на мое плечо опускается теплая ладонь.

– Ты как? Смотрю, Лора справилась отлично. – Берт виновато улыбается, разглядывая порванный рукав рубашки. Он бегло касается места, где еще недавно кровоточила рана, но тут же отдергивает руку.

Возвращение Берта развязывает плотный узел напряжения, и я даже забываю, что он оставил меня одну. Главное, что он вернулся, и теперь мне не приходится быть третьей лишней рядом с Лорой и Марком.

Лора задирает голову, растягивая лиловые губы в улыбке, и, отложив журавлика из бумаги, тянется за новым листом.

– Вообще-то это сделал Марк. Он хотел помочь.

Едва ли он действительно хотел. Вряд ли дело в искреннем альтруизме.

Берт досадливо морщит лоб, переводя взгляд на Марка. Тот усмехается и пожимает плечами.

– Не стоит благодарности. Лора напомнила, что все мы здесь помогаем друг другу. Нужно держаться вместе, верно? – он подмигивает мне и как ни в чем не бывало откидывается на спинку кресла.

От напряженной тишины воздух, кажется, скоро начнет трещать. Интересно, что между ними произошло. Сложно упрекать Берта и Эрика – Марк и сам ведет себя вызывающе, но вряд ли он делает это просто так.

Выяснить, чем может закончиться мрачное молчание, не удастся. В кабинет входит высокий широкоплечий мужчина, и я удивленно моргаю. Когда все говорили о Главе Академии, я представляла кого-то, похожего на нашего университетского ректора, – возрастного сгорбленного мужчину с очками на носу, в старом пыльном костюмчике и с проглядывающей сквозь седину лысиной.

Единственным, что хоть как-то можно соотнести с моими ожиданиями, оказывается строгая темно-синяя рубашка и широкий галстук в косую полоску. Берт и Эрик не кажутся его копиями, но определенное сходство нельзя отрицать – те же вьющиеся черные волосы, только коротко подстриженные, и те же медовые радужки. В глаза бросается длинный шрам на щеке – густая черная щетина на нем не растет.

Глава окидывает комнату цепким взглядом и направляется к столу. Его подернутое усталостью лицо не выражает совсем ничего, и я из вежливости неуверенно приподнимаюсь со стула, но Берт надавливает на мое плечо, не позволяя встать.

Я прикрываю глаза в немой благодарности. Берт не просто остался стоять рядом, его пальцы все еще лежат на моем плече, почти невесомым прикосновением распространяя теплоту по телу.

– Можно считать, что у нас тут собрание Младшего Совета, – твердо произносит мужчина, сложив пальцы домиком.

– Айрис не хватает, – тут же отзывается Лора, откладывая на журнальный столик очередного журавлика. Там уже целая стая.

Взглянув на Лору, мужчина моментально смягчается – у него разглаживается складочка на подбородке, и уголки тонких губ приподнимаются:

– Я могу рассчитывать, что ты ей все детально передашь?

Лора с готовностью кивает и ласково улыбается.

Берт рядом откашливается, привлекая к себе внимание, и начинает:

– Это Теодора. Я о ней говорил...

Легким движением подбородка Глава прерывает его рассказ и смотрит на меня.

– Здравствуй, Теодора. У тебя, наверное, накопилось много вопросов. Можешь задать их, а я постараюсь ответить.

Неожиданно дружелюбное обращение сбивает с толку, путая мысли в голове. Вопросы? Их у меня целый ворох. Что это за Академия? Кто все эти люди? Почему под пальцами Марка у меня исчезли раны, даже шрамов не осталось? Кто на меня напал? Да что вообще происходит, в конце концов?

Набрав в грудь побольше воздуха, я собираюсь выпалить сразу все, но вместо этого бокомысленно выдаю:

– Э-э-э.

Марк хмыкает. Лора ободряюще улыбается. Эрик отворачивается со скучающим видом. Берг сжимает пальцы на моем плече. Мне же хочется провалиться под землю от стыда.

Глава понимающе кивает.

– Хорошо. Я попробую тебе рассказать кое-что, а ты сможешь по ходу задавать вопросы. Идет? – Он действительно ждет мой ответ, и я киваю, приготовившись слушать внимательно. – Меня зовут Виктор, и сейчас я занимаю пост Главы Академии книгоходцев. Знаешь, что это за место? – Только когда я отрицательно мотаю головой, Виктор продолжает: – Здесь мы собираем всех людей, которые способны перемещаться в книжную реальность, и обучаем их, заодно обеспечивая им защиту. Ученики попадают в Академию по-разному: у кого-то родители книгоходцы, и они приводят своих детей в Академию, кого-то мы находим по всплескам энергии, другие пытаются разобраться в происходящем и сами нас разыскивают. – Он выдерживает паузу, чтобы я могла усвоить информацию. – Альберт утверждает, что ты одна из нас. Как так вышло? Ты никогда не пыталась выяснить, что с тобой происходит?

Не удержавшись, я оборачиваюсь к Берту, нервно облизнув губы. Он улыбается одними глазами, и я настороженно пожимаю плечами.

– Видимо, я не очень любопытная.

Рассказывать о Диане не стоит. Если я решила пренебречь ее советом, то это только мои проблемы. Вовсе не обязательно утягивать за собой и ее.

Виктор задумчиво кивает, всматриваясь в мое лицо:

– Крайне редко случается, что книгоходцы появляются в обычной семье. Подумай, может, кто-то из твоих родственников все же обладает такими же способностями.

Не думаю, что Диана может. Она наверняка что-то знает, но разве стала бы скрывать от меня, если бы умела? Неважно. Я все равно решила ничего о ней не говорить.

– Вряд ли. Мама и брат даже не открывают книги. Я бы заметила.

Хмурые брови Виктора приподнимаются.

– А отец?

С губ слетает смешок. Слова вырываются из меня быстрее, чем я успеваю осознать, что и кому говорю:

– Хотелось бы предполагать, что он никогда меня не навещал, потому что заблудился в книге, но что-то мне подсказывает, что все куда прозаичней.

Повисшая тишина прерывается коротким смешком. Не сомневаюсь, что он принадлежит Марку. Прикусив кончик языка, я виновато опускаю голову. С мамой говорить об отце гораздо проще – я уже привыкла делать вид, что мне все равно.

Я уже не ребенок, чтобы плакать по папочке, которого я и не знала.

– Академия занимается не только этим, – продолжает Виктор, тактично проигнорировав мой неуместный выпад. – Видимо, ты с таким не сталкивалась. Если некоторые могут проникать в книги, то и в обратную сторону это работает. Иногда в нашу реальность попадают существа из книг – тогда некоторые студенты и преподаватели восстанавливают баланс.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.